

Русская публика ждет крови певцов

Русский
Телеграф.

Однако Нина Раутио для нее все же поет — 1998. — 29 мая, — с. 9

Сегодня на сцене Большого зала консерватории в рамках фестиваля «Золотые голоса мира в Москве» дает сольный концерт певица **НИНА РАУТИО**. После международного дебюта в 1992 году в La Scala — это была опера «Манон Леско» Пуччини — она получила множество контрактов от лучших оперных театров мира и покинула Большой театр, где работала в статусе ведущего сопрано. Теперь певица живет в Лондоне, а основной партией в ее репертуаре стала вердиевская «Аида», которую Нина Раутио спела уже по всему миру. В преддверии концерта певица дала интервью «Русскому Телеграфу».

— **Вас воспринимают прежде всего как всемирную Аиду. Это отражает диктат законов оперного рынка или ваше желание?**

— Законов оперного рынка на все сто процентов. Я никогда не думала, что моя карьера развернется именно на этой партии. Но «Аида» — одна из самых исполняемых опер и в театрах, и на огромных аренах, поэтому она нарахват всегда и везде. Но я не записывалась в «вечные Аиды». Мой голос позволяет делать практически все, и я просто права не имею использовать себя в таком узком репертуаре. Больше ста «Аид» за три года — одуреть можно. Последний год я отказываюсь от всех «Аид» без исключения, сказала «нет» даже театрам Берлина, Вены и Мюнхена. А свой контракт на «Аиду» с Metropolitan Opera я заменила «Тоской». Они жутко обиделись и взвесьлись на меня всем миром, решив, что я больше не могу петь.

— **Вы к этому относитесь с иронией?**

— Но я сразу после этого спела Леди Макбет в Страсбурге, и это стало событием. Так что слухи о моей вокальной кончине сильно преувеличены. Просто когда-то я должна была отважиться остано-

вить свою пятилетнюю «аиду» эпопею. Сегодня я по-новому думаю о пении и меняю свое певческое амплуа. Это процесс непростой и неожиданный для многих. И очень трудно сдвинуть эту гору, так как бизнес есть бизнес. Контракты и маркетинг — это одно, а мои желания — совсем другое.

— **Как теперь будут выглядеть границы вашего репертуара?**

— В рамках своих возможностей, своего диапазона я могу петь и меццовый, и лирический репертуар, близкий к колоратурному. Я сейчас пою самые разные партии: от Донны Анны до Леди Макбет. Мечтаю о Кармен, не той ширпотребной, которую нам дают с «губами», а настоящей — с голосом, игрой и стилем. С другой стороны, у меня есть предложение спеть Норму. Еще многие считают, что мой голос создан для опер Вагнера. Но это, пожалуй, единственная статья дохода, которая меня не интересует: в немецкой оперной музыке, при огромной массе содержания, форма расплывчатая и гипертрофированная. И воплотить эту музыку с моими требованиями к себе самой, к своему голосу мне не кажется реальным. А мир искусства очень жесток: он не прощает ошибок и бо-

лезней. Такие решительные перемены своей карьеры можно совершать, наверное, не больше одного, от силы двух раз. Сейчас и без того что-либо планировать крайне трудно. Прежде всего из-за жесточайшего оперного кризиса в Европе, вызванного переходом на единую валюту: идет искусственное занижение гонораров, на которое не каждый певец

хотел перед реальной жизнью, лишая настоящей оперной карьеры, которая у меня получилась именно благодаря спектаклям. У меня есть право выбирать среди всех лучших оперных театров мира. Моя природа — оперная. Я крупномасштабная певица-актриса, которая должна постоянно находиться в игровом пространстве. Загнать такую певицу, как я, в студию — равносильно убийству. Ведь не секрет, что звукозаписывающие фирмы, как правило, не любят и не умеют хорошо писать большие голоса. Хотя у меня есть диски, пусть их не так уж и много, и основная их часть — это life.

— **Вы не жалеете о том, что, в отличие от своих русских коллег, мало поете русской музыки на Западе?**

— Нет, считаю это разумным. Мой голос, крупный и темный, исключительно подходит к итальянской музыке. Я заявила о себе в этом качестве и была признана прежде всего в Италии. Я спела итальянскую музыку досыта — за последние лет тридцать партий. Мне гораздо сложнее петь русскую музыку. Хотя в ней есть та «зубная боль» и «кишечная палочка», которых нет ни в одной другой музыке, — и честно говоря, я тоскую по этому. Но то, что теперь выделяются на Западе с русской музыкой, называется публичным насилованием (вероятно, Нина Раутио имеет в виду режиссерские эксперименты. — «Телеграф»). Я в этом процессе принимать участия не хочу и не буду.

— **Что для вас Большой театр, который Вы оставили шесть лет назад, — актуальная тема или просто творческое прошлое?**

— Вопрос любопытный. Но его надо переадресовать Большому, потому что я ушла из театра не по своей воле. В свой предыдущий приезд я предложила театру свои услуги. До сих пор — молчание. А

у нас должен быть обоюдный роман. Думаю, уровень театра не пострадал бы от него.

— **Значит, два спектакля «Пиковой дамы» на сцене Большого нынешней зимой не стали для вас возвращением в театр?**

— Они прилипли не на самый лучший мой период, как раз перед операцией. У меня были проблемы с носом травматического порядка, которые сейчас, к счастью, разрешились без всяких последствий, а тогда мне было достаточно трудно петь. Отменить же спектакли я не могла, да мне и хотелось выйти на сцену Большого — я сохранила память о театре как о родном доме. Но, кажется, теперь она исчезла навсегда. Публика, встретившая меня в театре, напугала меня. Выйдя на сцену, я сразу испытала колоссальный напор отрицательной энергии из зала. Публика ждала крови. Любви не случилось по всем статьям.

— **Вопрос в преддверии концерта. С чем связано стилистическое разнообразие программ?**

— Я никогда не была особенно камерной певицей. Но для «отдыха», чтобы потрафить своему самолюбию, я хочу показать романсы Рахманинова и Чайковского наряду с тем итальянским оперным репертуаром, который Москва давно не слышала и еще долго не услышит. Живи я здесь постоянно, я никогда не позволила бы себе такого «коктейля», но меня давно не было дома, и я хочу, чтобы люди вспомнили, что Нина Раутио может петь и то, и другое. Наша публика отличается от западной тем, что она постоянно ждет от исполнителя какой-нибудь неудачи. Меня это шокирует, мне это непонятно. Но я не хочу обидеть нашу публику, я по ней все равно очень соскучилась.

Беседовала

МАРИЯ БАБАЛОВА